

КАК
МЫ
ЖИЛИ

Дама с биографией

Ксения
Велембовская

Ксения Велембовская
Дама с биографией
Серия «Как мы жили.
Лучшее в советской прозе»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5809607

АСТ;
ISBN 978-5-389-32512-8

Аннотация

Героини Ксении Велембовской живут среди нас. Читая ее книги, вы будете ловить себя на мысли, что проживаете с героинями их судьбы, настолько живо и достоверно рассказывает о них автор. Ситуации, о которых идет речь, вроде бы вполне обыденные, но тем они и ценны: в точно таких же обстоятельствах не раз оказывались и мы, читатели, так что «прикинуть» на себя биографии персонажей не составляет никакого труда.

Люся, героиня романа, хороша собой, ухожена, аристократична, но, увы, так называемая личная жизнь не для нее. У нее есть немолодая мама, о которой надо заботиться, дочь, начинающая актриса, которая тоже требует внимания, а еще — незадачливый муж дочери и его мать. И, кроме того, на ней дом, сад и работа.

Когда-то, в ранней молодости, у Люси был сумасшедший роман с красавцем-актером, который и стал отцом ее дочери. Но роман давно в прошлом, а в настоящем – обязанности и чувство долга по отношению к тем, кто в ней нуждается.

Однако рано или поздно жизнь подкидывает каждому из нас шанс все изменить. Захотим ли мы воспользоваться этим шансом – вот в чем вопрос.

Содержание

Часть I	6
Глава первая	6
Глава вторая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Ксения Велембовская

Дама с биографией

© Велембовская К. М., 2026

© Оформление. ООО «Издательство Азбука», 2026

* * *

Часть I

Глава первая

Здравствуй, Лю! Не волнуйся, по-прежнему страстно люблю... Зарифмованные послания с неизменной ернической подписью: *Навеки твой К. Маркс!* – были на месте. Так же как и все прочее: документы, записная книжка, бумага, ручки, карандаши, линейки, ластик... Стало быть, исчезла лишь заначка из шести или семи бумажек по тысяче рублей в конверте, лежавшая в правом дальнем углу, поверх папки с сугубо личным – зачитанными письмами и черно-белыми любительскими фотографиями красавчика-стихоплета. К счастью, тот, кто шарил в ящике письменного стола в поисках денег, не заинтересовался содержимым старой синей папки с тесемками. Вероятно, спешил... Кто же, черт побери, здесь орудовал?!

«Никто!» – остановила себя Люся. Нет в доме человека, способного на подобную низость. Сама засунула куда-нибудь и забыла, растяпа. Однако червь сомнения уже закрался в душу: «А помнишь, как весной денежки вот так же испарились и через несколько дней волшебным образом вернулись на прежнее место?.. Что ж, если история с пропажей и возвращением повторится, тогда... Нет, этого не может быть».

Десять часов, а дом еще спит. Вернее, спит известная артистка, медийный человек, как она себя называет, а все остальные, второстепенные персонажи, каждый в своем углу дожидаются пробуждения главного действующего лица.

Пчелка Ньюша быстро-быстро вертит спицами в чистенькой старушечьей светелке, довязывая подарок внучке, очередную абсолютно ненужную той безрукавку «из чистой шерсти», и вздыхает: «Чайку хочется!» И тут же испуганно прислушивается: не разбудила ли она своим громким вздохом Лялечку?

Зинаида наводит красоту: без подкрашенных бровей, пунцовой помады и щек, напудренных, что твой ситный калач, сватья – пучок набочок – не выползает из своей спальни. Ростислав – либо в интернете, либо под образами. А как еще убить время здоровому мужику, пока жена спит? Совсем, прости Господи, помешался зятек на религии. Попросишь теперь что-нибудь сделать по дому, по саду, съездить на рынок к станции, он сразу же: «Извините, Людмила Сергеевна, мне пора в храм». И ведь ничего не возразишь, неловко как-то: человек собрался общаться с Богом, а ты пристаешь к нему с какими-то там гвоздями, лампочками или картошкой.

Между тем деньги, которые могли очень понадобиться завтра, так и не нашлись. Она перерыла, кажется, все что можно, еще раз заглянула в пляжную сумку, с которой вечером ходила на озеро, и, окончательно расстроившись, реши-

ла срочно сменить обстановку. Босиком на цыпочках спустилась по полированной лестнице на первый этаж, осторожно отворила дверь на заднее крыльцо и, нацепив в саду шлепанцы на пробке и умывшись по-летнему теплой водой из-под крана, наконец-то ощутила всю прелесть жизни: яркая зелень, цветы, воздух! Красота!

Ощущение первозданной утренней чистоты и свежести продержалось недолго: с соседнего участка знатно несло навозом и какой-то химической дрянью.

Неугомонный Кузьмич в армейском противогазе сражался с гусеницами: левой рукой он подкачивал ведерный опрыскиватель, а правой держал перед собой длинную металлическую насадку, откуда, радужно сверкая на солнце, сыпался на завитую паутиной яблоню нежный дождик зловонного яда. Напрасно он это делал. Пусть бы прожорливые лопали себе да лопали: чем больше съедят, тем меньше будет проблем осенью, когда поспеет весь его сумасшедший урожай – аж с десяти яблонь.

– Анатолий Кузьмич! К вам можно? – крикнула Люся в приоткрытую калитку и, не дождавшись ответа – в противогазе сосед делался тугоух, – подошла к нему сзади почти вплотную. – Товарищ подполковник! Разрешите обратиться?

Подполковник в отставке вздрогнул от неожиданности и, развернувшись, чуть было не опрыскал и ее заодно с гусеницами. Видок в противогазе у него был, прямо скажем, су-

перский.

– Здрасьте, Люсиночка, а я вот тут... – засмущался свекольнолицый, потный, к тому же сильно неароматный сосед, избавившись от страшного слоновьего хобота.

– Да вижу, вижу! Опять вы нам портите экологию. Но я к вам не от возмущенной общественности. Просто зашла кофейку попить по-соседски, если можно. Лялечка еще спит.

– Ясненько, – с пониманием кивнул Кузьмич, хорошо знакомый с порядками на соседней даче. – Один момент!

Окунув голову в бочку с дождевой водой, удалой десантник пофыркал, встряхнулся, промокнул лицо стянутой тельняшкой, лишний раз продемонстрировав широченные плечи. Накинув висевшую на крыльце чистую рубашку на загорелое до черноты тело, он игриво хохотнул:

– Говорил я вам, Люсиночка, выходите за меня замуж! Я бы вам кофе прямо в постель подавал! Ну чего вы опять смаетесь? У меня ведь намерения самые что ни на есть серьезные. – Подмигнув голубыми, какими-то младенческими, не потускневшими за шестьдесят семь лет круглыми глазками, он застегнул рубашку на все пуговицы, одернул и шутливо вытянулся во фрунт. – Гляньте-ка, чем не жених? Не говоря уж, что мужчина я свободный, положительный, без вредных привычек и с хорошим приданым! – В подтверждение он окинул гордым взглядом свои пятнадцать соток, почти целиком занятых двухэтажным щитовым домом под ломаной крышей, издавека смахивавшим на сундук, теплицами,

летней кухней, гаражом, баней, сараем, деревенской уборной на свежем воздухе и беседкой.

– Надо будет подумать! – засмеялась Люся.

– А чего тут думать-то! – отозвался шустряк уже с террасы.

Через считанные минуты в беседке, обитой новой вагонкой, закипал электрический чайник. Поменявший галифе на отутюженные джинсы, а резиновые сапоги на выходные сандалии, хозяйственный Кузьмич быстренько расстелил скатерть, поставил глубокую тарелку с сортовой клубникой, притащил первые огурчики – изумрудные, пупырчатые, с капельками росы.

Все-таки в военных что-то есть, ухмыльнулась Люся, умеют ухаживать за дамами!

– Люсиночка, может, коньячку по маленькой? Ради праздника? Сегодня, говорят, этот... Петр, Павел час убавил. Матвеевых бабка шла, сказала.

– Можно и коньячку, – забавляясь ситуацией, милостиво согласилась Люся, и Кузьмич с готовностью снова понесся на кухню за бутылкой и закуской.

Вдовый жених явно старался доказать, что он еще чрезвычайно проворный товарищ. Ловкий, сильный, темпераментный. Словом, пышущий здоровьем крепыш с отличной потенцией. Ох и самоуверенный народ эти мужики! Метр с кепкой, скоро песок посыплется, а все туда же!

Коньяк, само собой, был «Хеннесси», бокалы – пузатыми,

как в лучших домах Лондона и Монте-Карло, поэтому тост прозвучал до уморительного смешно:

– Ну, как говорится, будем!

– Будем! – на полном серьезе ответила Люся и после глотка обжигающего напитка передернула плечами: – Ух!.. Хорошо сидим, Анатолий Кузьмич.

– А у меня помидоры уже буреют! – неожиданно сообщил он с таким непередаваемо счастливым выражением, что Люся снова едва сдержала смех. Помог огурец, хрусткий, сладкий.

– Чего у вас, Люсиночка, новенького? Как Анна Григорьевна? Ляля?

– Все как всегда. Мама вяжет, Ляля спит. Приехала вчера со съемок в полуобморочном состоянии, и опять за мобильник. Проговорила с режиссером, кажется, до четырех утра.

– Уж извините, не дело это. Не для чего так вкалывать молодой красивой девушке! Морщины пойдут, синяки под глазами. А мужчинам нравятся свеженькие, веселые, вот как вы! – Лукаво сощурившись, Кузьмич придвинулся по скамейке поближе, а когда Люся отодвинулась, расхохотался прямо как профессиональный соблазнитель: – Люблю я сероглазых блондинок! – И на том, похоже, выдохся. С крестьянским аппетитом, энергично – как работаем, так и едим – задвигал вставными челюстями.

Шуткует подполковник, успокоилась Люся. В самом деле, откуда возьмутся силы у пожилого мужика, который от зари

до зари пашет на участке в пятнадцать соток? Вот и славно. Разлаяться с соседом, что было бы неминуемо в случае активных домогательств, ей совершенно не хотелось. Еще пригодится – штакетину забить или кран починить.

– Видел вчера вашу Лялю, кажись, по второму каналу... Вы-то сами, Люсиночка, глядели, нет?

Ей бы соврать «видела, видела!», а она замешкалась, заливая горячей водой растворимый кофе, и в результате в очередной раз влипла, что называется, по-крупному: словоохотливый Кузьмич принялся подробно пересказывать содержание вчерашнего «мыла» с Лялькиным участием. Чтоб ему ни дна, ни покрывки!

– ...Приехала в Москву поступать, а в институт завалила. Устроилась убираться к миллионеру в особняк. Девчонка красивая, черноглазая, ну бизнесмен и не растерялся, оприходовал ее. Родила она от него...

– Анатолий Кузьмич, фиг с ними со всеми! Давайте лучше кофейку...

– Сейчас, сейчас, только доскажу... а он, сволочь, взял, значит, и на другой, тоже на миллионщице... отец у нее губернатор какой-то поганый... женился. Лялю вашу... ее там Дашей зовут... скотина, выгнал прямо на улицу, ночью, в мороз, а ребенка себе забрал. Жена его, раскрашенная шалава, бесплодная оказалась. Видать, аборт немерено переделала...

– Вам одну ложечку или две?.. Воды полную? – снова по-

пыталась отвлечь его Люся. Но куда там! Кузьмич кивнул: «Ага, ага, до края наливайте...» – и, досказывая, опять захлопотал лицом, как будто вся эта невообразимая муть происходила на самом деле и в разыгравшуюся трагедию были вовлечены его близкие родственники. В этом смысле подполковник мало чем отличался от Нюши с ее начальным образованием. Та тоже неизменно воспринимала экранное как подлинную жизнь.

– Ребенка выкрала, спрятала там у одних, а подручные того бизнесмена... настоящие отморозки... наголо́ бритые, морды – шапкой не накроешь!.. поймали ее, в подвал загнали и принялись пугать горячим утюгом: не отдашь ребенка, мы тебе рожу припечатаем! У меня, Люсиночка, прям сердце зашлось! Каково же, думаю, вам-то, матери, на такое глядеть?

– А я и не глядела. Делать мне больше нечего, всякую ахи-нею смотреть. И вы напрасно злоупотребляете. Тем более если у вас сердце заходит от подобных драматических коллизий. Поберегли бы здоровье. Но вообще в следующий раз не переживайте. Нашу Лялю никто в подвал не загонит. Она сама кого хочешь загонит! – рассмеялась Люся и залпом допила свой коньяк.

Вот те на! Кузьмич насупился, поджал губы, задетый за живое, за мужское, советом поберечь здоровье.

– Чего ж тогда ваша дочка в таком глупом кино снимается? – язвительно сощурившись, спросил он, обидевшись,

оказывается, совсем по иной причине. – Или уж ей денег мало?

– Может, и мало, – с вызовом ответила ему Люся, и не важно, что думала она сама о творчестве дочери. – Смотрите, сколько у Лялечки нахлебников! Две пенсионерки – свекровь и бабушка, философ-муж и я отчасти. Но главное не в деньгах. Ей, как любой актрисе, хочется играть, сниматься. Вы думаете, те парни, которых вы назвали отморожками, от хорошей жизни пытаются девушек горячим утюгом? Да они с восторгом сыграли бы что-нибудь лирическое или героическое! Но негде. Достойных фильмов сейчас мало. – Подумав, а перед кем, собственно, она мечет бисер, Люся перевела дух и напоследок со злости выдала охотнику считать соседские денежки излюбленную Лялькину сентенцию: – Короче, каждый зарабатывает как может.

– Так, по-вашему, выходит, ради заработка все можно: и грабить, и воровать?! – понятное дело, взвился Кузьмич, хотя сам за время службы, между прочим, натырил до черта всякого армейского барахла. Одних новеньких солдатских сапог у него на чердаке свисало с потолочной балки пар десять. Но, поскольку собственные грехи никто грехами не считает, можно было не бояться, что он опять обидится.

– Все и воруют. Как будто вы не знаете, – усмехнулась Люся и, чтобы лишить Кузьмича шанса развить тему с перечислением всех воруяг поименно, начиная с самого верха и по нисходящей до главного бельма в его глазу – хозяев выстро-

енных на «нетрудовые доходы» особняков за высокими кирпичными заборами, плавно перешла к тому, зачем, в сущности, сюда и явилась: – Нет, безусловно, не все воруют. Например, мы с вами лишены такой возможности. И в связи с этим дайте мне, пожалуйста, займы тысяч пять... рублей, естественно. Засунула куда-то деньги и никак не могу найти, а мне надо купить Лялечке подарок. У нее скоро день рождения.

Кузьмич, мужик добрый и отзывчивый, моментально выудил из заднего кармана кошелек, но, пересчитав наличность, огорченно вздохнул:

– Только полторы, Люсиночка. Вчера краски финской взял, чтоб полы освежить, а нынче машину коровьяка по случаю, как раз пять тыщ отдал... Может, к Матвевне сбегать? Глядишь, у нее разживемся.

– Нет-нет, ни в коем случае! – отказалась она, испугавшись, что с подачи Матвевны – у той язык как помело! – по поселку поползут слухи: раз Людмила ходит по соседям деньги занимать, значит, Ольгу Каширину больше не хотят по телевизору показывать. Дойдет до Ляльки – убьет и глазом не моргнет.

Кстати, и Кузьмича не годилось гонять сейчас на другой конец улицы: после горячего кофе и коньяка он осовел, покраснелся, обмяк. Как ни хорохорься, возраст есть возраст. А ему еще предстояло весь день по жаре возить на тачке навоз на задворки, складывать вилами в кучу и пересыпать

землей, потому что сибаритствующая дачная публика через часок-полтора пробудится и начнет выражать громкое неудовольствие по поводу навязчивого амбре. Беднягу Кузьмича стало даже жалко. Трудоголик – это, между прочим, тоже диагноз.

– Анатолий Кузьмич, ну зачем вы связались с этим коровяком? Для чего вообще так надрываться, а? Не семеро же у вас по лавкам. Дети у вас, слава богу, устроены, и ваши банки с огурцами-помидорами им не нужны. Вы же сами мне жаловались...

Движимая лучшими побуждениями, она, кажется, наступила на больную мозоль: навозный жук нахохлился, рассердился.

– Это сейчас им, – выразительно мотнул он головой в сторону Москвы, – ничего не нужно. На Багамы ездют, на Канарах жизнь прожигают. Будто у отца на даче хуже! У нас воздух-то какой, не надышишься! – Кузьмич с наслаждением втянул в себя воздух, уже приняхавшись и не чувствуя, что его коровяком тянет за версту. – Озеро опять же, купайся не хочу! Рыбалка! Нет, границу им подавай! Удивляюсь я на молодых! Живут прямо как стрекоза с муравьем! День прошел – и ладно. А если обратно какой дефолт или кризис? Не говоря уж о войне с американским империализмом. Надо ж подготовиться, запас какой-никакой иметь. Эти ястребы из Пентагона только и ждут, как бы нашу Россию-матушку разорвать на куски. – Чтобы не быть голословным, вояка

потянулся к табуретке за свежей «Правдой» и очками, и Люся поняла, что пора спастись бегством.

– А сколько у нас сейчас времени? Ой, не может быть! Извините, мне пора бежать. Спасибо большое, огурчики у вас просто классные! И клубника выше всяческих похвал.

Кузьмич проводил ее до калитки и вдруг, оглядевшись по сторонам, с заговорщическим видом потянул за локоть обратно в сад, под сиреневый куст.

– Сказать забыл, Люсиночка. Ездил вчера на станцию за краской. Прямо употел восемь банок переть. Дай, думаю, зайду в кафе возле церкви, квасу выпью или хоть на худой конец воды. Захожу, а там ваш Ростислав, и с какой-то барышней. Смазливенькая такая, черненькая. Света вроде ее звать, из хозяйственного. Ваш-то, между нами, опять был сильно навеселе.

Вот так новость! – обалдела Люся. Да еще и весь поселок будет знать об этом! Кузьмич ведь тоже сплетник будь здоров, почище Матвевны! День-деньской у него ушки на макушке. Дерет сорняки вдоль забора, смородинку обихаживает, прищипывает в теплице пасынки у помидоров, а сам, как мощная радиолокационная система, ловит каждое слово, оброненное на улице, каждый крик на соседних участках. Обработанная плешивой башкой информация поступает к потребителям без задержки: пока подполковник доедет на велике до станции, раз двадцать притормозит, побеседует шепотком, по-свойски, поохает, поахает, а обратно, пере-

полненный новостями, уже летит на всех парах, энергично нажимая на педали. И глаз у него, старого черта, как ватерпас!..

– Вы не бойтесь, Люсиночка, я никому не скажу, – интимно зашептал Кузьмич ей в самое ухо. – Слово офицера. Клянусь.

– Верю, верю... всякому зверю, и волку и ежу, а вам погоду! – в своей обычной насмешливой манере, словно ее ничуть не взволновало сообщение о шашнях Ростислава, ответила Люся и, еле отвязавшись от прилипчивого, как репей, болтливого ухажера, побежала к себе.

Со злостью вырвав у себя на участке два здоровенных одувана, успевших разжиреть на черноземе под отцветшим чудесным розовым пионом «сара бернар», она огляделась: что бы еще уничтожить от переизбытка нервной энергии? – и застыла, завороченная необыкновенным лунным цветом раскрывшихся сегодня голландских лилий. Запах был тяжеловат, но созерцание дивной красоты резных граммофонов с бархатными коричневыми тычинками благотворно действовало на психику.

Сеанс цветотерапии продолжился на качелях, куда она присела на минутку, не сумев отказать себе в удовольствии полюбоваться роскошным садом в полном блеске июльского утра. Между прочим, творением собственных рук. Да уж, страшно вспомнить, какое запустение царило здесь раньше: кучи гниющих листьев вперемешку с картофельными очист-

ками и помоями, повсюду высоченная жгучая крапива, в ней – консервные банки, руки-ноги-головы от целлулоидных пупсов, черепки, сетчатые от времени бидоны из-под керосина, под соснами – пухлые рыжие подушки из сухих иголок. Там, где сейчас красуется великолепный куст плетистой красной розы, подвязанный к металлической дуге так, что создается впечатление огромной цветочной корзины, чахла одна-единственная Зинаидина «грядка» – бывшая круглая клумба с остатками кирпичей по краю и жалкими луковыми перьями в центре. На месте нынешней изумрудной лужайки для отдыха и вечернего чаепития с иллюминацией по особому торжественным случаям раньше резвились все кому не лень: сныть, одуванчики, сурепка, репей – кололи ноги острые былки выродившейся малины, цеплялись за волосы ветки корявой засохшей яблони с прикрученным проволокой к стволу умывальником. Под умывальником, помнится, стояло ржавое ведро, а слева за облупленным кособоким кухонным столом образца тысяча девятьсот тридцать какого-то года сидела хозяйка, чистившая картошку к обеду.

Здесь-то Люсю впервые и познакомили с историей дачного поселка под симпатичным названием Счастливый и историей пребывания в нем славного семейства Кашириных. Рассказчица показалась ей тогда приличной, интеллигентной теткой. Впрочем, не без странностей. Впоследствии этими странностями Зинаида достала ее до печенок, а многократное повторение каширинской саги, слово в слово, пе-

ред Лялькиными гостями убедило в том, что Зинаида пела с чужого голоса. С голоса своей свекрови – неглупой, не лишенной иронии и вполне адекватной Агнессы Федоровны, которую, правда, невестка Зиночка застала, что называется, на излете, когда прошлое окрашено преимущественно в солнечные тона.

Дачи в Счастливом начали строить в конце тридцатых. Под участки вырубали сосновый лес, вычищали колючий еловый подлесок, засыпали грунтом ручейки и овражки. Земли тогда не жалели: нарезали народным артистам, художникам, композиторам по двадцать – двадцать пять соток. Крупному творческому начальству – и того больше. Проектировщик заводов и фабрик Ростислав Иванович Каширин вложил в подмосковную дачу весь свой нерастраченный художественный талант. В глубине участка всем на зависть был возведен двухэтажный дом с двумя полукруглыми террасами – на восток и на запад, чтобы расставаться с солнцем лишь в полуденный зной, – с фигурными балконами и открытой верандой, разрезанной посередине ступенями высокого крыльца.

Прямо перед домом разбили большую круглую клумбу, куда Агнесса Федоровна высаживала в мае цветочную рассаду – анютины глазки, астры, левкои и обязательно душистый табак. Его непередаваемо прекрасный подмосковный аромат через открытые в темный летний сад окна доносился

и до западной террасы, где по вечерам за пыхтящим самоваром собиралось все семейство и гости из окрестных дач. Гости пили чай и громко восторгались пирогом с яблоками, воздушными меренгами, домашними эклерами с заварным кремом и зеленым царским вареньем из крыжовника.

Когда детвора, наевшись сладостей до отвала, неслась играть в лапту и горелки, жечь высокий костер из сосновых веток, на террасе начинали позвякивать рюмки, бокалы, потом их заглушали бравурные звуки рояля, арии из оперетт, романсы и впервые исполняемые знаменитым советским композитором патриотические песни предвоенных лет.

В половине десятого с крыльца раздавался призывный звон колокольчика и решительный голос Агнессы Федоровны:

– Володенька! Павлуша! Мальчики, домой! Пора спать, мои дорогие.

Дети покорно шли домой: за послушание отец мог не взять их с собой на рыбалку.

На рыбалку отправлялись на рассвете, когда туман еще скрывал очертания противоположного берега и озеро казалось Володеньке лишь ненадолго затихшим бурным морем, где плавает крейсер «Варяг». Папе везло – у него в ведерке била хвостом злющая зубастая щука, и Павлушке везло – уже поймал двух карасиков, а у Володеньки поплавок дрожал, но рыбка не ловилась, как ни уговаривал он ее ласковым шепотом: «Ловись, ловись, рыбка, и мала, и велика!» Кара-

сиков скармливали Митрию – умнейшему серому коту, поджидавшему рыбаков, с громким мурлыканьем потирая бока о столбик калитки. Разварная щука с молодым картофелем становилась еще одним поводом, чтобы пригласить на обед соседей.

Последний такой воскресный обед был у Кашириных пятнадцатого июня сорок первого года. Через два месяца дача уже стояла с закрытыми ставнями и заключенной крест-накрест дверью. Ветер гудел в печной трубе, стучал по крыше дождь, потом к окнам начали подбираться сугробы. Замерзшая на невиданном морозе, брошенная и, казалось, навсегда забытая хозяевами дача все равно ждала: вот-вот заскрипят по снегу ботинки и валенки, откроется дверь, и Агнесса Федоровна крикнет: «Ростислав Иванович, растапливайте печку! Мальчики, бегом за дровами!»

Трижды зима сменяла лето, и вот наступила весна. Чу! Что это? Будто плачет кто-то? Плакали, присев на крыльце, вернувшиеся хозяева. И Володенька плакал: так жалко Павлушу, он уже никогда-никогда не увидит нашу милую дачу!

Павлик умер от воспаления легких в жарком среднеазиатском городе.

Дров, чтобы протопить выстуженную ветрами, холодными дождями и морозами дачу, не нашлось: исчезли дрова, все до единого полена. И не мудрено. Вон и сосны в Счастливом как поредели! А березы и елки с тонкими стволами пропали вовсе. Вдоль железнодорожного полотна, на поля-

нах в лесу, на склонах глубокого оврага, где мальчики когда-то играли в войну, в разведчиков, – везде обнажились под апрельским солнцем черные картофельные делянки.

Поседевшие старожилы, «счастливики», как шутили до войны меж собой соседи, тоже рьяно взялись за огородничество, и мало кто не набил жесткие кровавые мозоли тупыми лопатами и ржавыми кирками, прежде чем в пустой песчаной земле с сосновыми иголками появились первые жалкие всходы. Появились – и пропали засушливым летом.

Караси в озере тоже будто пропали. Володенька целый день просиживал с удочкой, чтобы к возвращению отца со службы мама смогла приготовить уху – жидкий суп, лапша лапшинку догоняет, с колючими рыбьими косточками.

Только ведь и плохое – голод, неустроенность, жгучие слезы, – так же как хорошее, когда-нибудь обязательно кончается. Зарос высоченным репейником, иван-чаем и вездесущей крапивой глубокий овраг, затрепетали на ветерке юные березки, под колючими свежими елками вылезли после грозы сопливые желтые маслята.

Володенька, на радость родителям, окончил школу с отличием, с красным дипломом – Бауманский институт.

Ростислав Иванович умер в семидесятом. Просто уснул в кресле на солнышке. Как старый Форсайт. Так и не дождавшись свадьбы сына – все мужчины Каширины почему-то женились поздно.

Дальше Зинаидино повествование пошло от первого ли-

ца.

– Агнесса Федоровна скончалась в восемьдесят втором. Осенью, только-только мы с дачи вернулись в Москву, к себе на Чистые пруды. А мой дорогой Володенька, Владимир Ростиславович, умер от инфаркта в восемьдесят шестом. Ему было всего лишь пятьдесят два. – Зинаида Аркадьевна снова отложила тупой огрызок ножа, которым чистила картошку к обеду, и вытерла слезы рукавом выцветшей кофты с пуговицами через одну.

У Люси нестерпимо сосало под ложечкой. Вроде пригласили к обеду, а солнце, выражаясь литературно, уже сильно клонилось к западу.

Чтобы дочистить десять проросших картофелин размером с грецкий орех, у разговорчивой Зинаиды ушло еще минут сорок. Молодежь – Лялька с Ростиком, – вернувшиеся с долгой прогулки на озеро, отправились играть в мяч за калитку, однако скоро приплелись обратно и уселись на крыльце с батоном, который Лялька разломил пополам. Картошка все никак не закипала. Оказалось, хозяйка забыла поджечь горелку – *ой, я стала такой рассеянной после смерти мужа!* Хотя овдовела она не вчера и не позавчера. Время до обеда скоротали за экскурсией по скрипучей, накренившейся, будто Пизанская башня, огромной трухлявой даче.

– Здесь был кабинет Ростислава Ивановича... Это спальня Агнессы Федоровны... – Комнаты напоминали зальчики бедного экспонатами провинциального дома-музея. – А

здесь у нас лестница на второй этаж. Только, пожалуйста, не беритесь за перила, они могут отвалиться. И не выходите, пожалуйста, на балкон, он у нас держится на честном слове.

Ляльку вся эта рухлядь приводила в восторг, хотя вряд ли ее восторги проистекали от страстной влюбленности, когда очарование возлюбленным распространяется на всё и всех, кто его окружает. Улучив момент, Лялька со смехом шепнула Люсе:

– Типичная курица! Кудахчет, кудахчет... Лучше б поесть приготовила.

Возвращалась домой в тот вечер Люся одна, отчаянно рассерженная на Ляльку: упрямая девчонка наотрез отказалась уехать вместе с ней и, не желая понять, что ее поведение может показаться старорежимной Зинаиде Аркадьевне неприличным, осталась ночевать у Кашириных.

Злая и голодная, Люся ворвалась в квартиру, бросила сумку на вешалку и наорала на мать, которая вылетела навстречу, чтобы получить полный и немедленный отчет о поездке к будущим родственникам.

– Что ты вертишься под ногами! Можно мне, в конце концов, переодеться и умыться?

– Кто ж тебе не дает? Мойся хоть до утра. – Мать обиделась и, кинув Люсе под ноги домашние тапочки, убралась на кухню.

– Ладно, мам, извини. Дай что-нибудь поесть, ради бога.

– Ради бога! – обиженно передразнила Нюша и, хлопнув

дверцей холодильника, принялась ворчать: – То не жрут ни черта, фигуру соблюдают, то им вынь да положь есть подавай! Хорошо, бабка догадалась коклет нажарить. Правильно говорят: на чужой каравай рот не больно-то разевай.

Подперев голову кулачком, она долго наблюдала, как Люся с жадностью расправляется с гречкой и котлетами, и все-таки не выдержала, спросила с хитрой крестьянской усмешечкой в прищуренном глазу:

– Чего ж сватья-то тебе не накормила? Жадная или как?

– Или как... Не, ничего тетка, бывают хуже. Но слегка с прибабахом. Бывшая пианистка. Говорит, всю жизнь берегла руки, однако, сдается мне, руки у нее изначально не из того места растут. Из тех набалованных дамочек, что всю жизнь изображают из себя наивных девочек. Если бы мы с Лялькой не привезли торт и колбаски, то угощать дорогих гостей пианистке было бы нечем. Я, честно говоря, разозлилась, выпила за здоровье жениха и невесты глоток какого-то мутного клопомора из фамильного графинчика и откланялась.

– Еще б не разозлиться! – с готовностью поддержала Нюша, обрадованная, что ее наконец-то посвятили в детали. – Ну ладно пианистка эта – руки-крюки, в пудре нос, так сын-нок, чай, мог обзаботиться, чтоб будущую тещу принять как положено? Или он тоже... малость того? – Мать покрутила пальцем у виска и сама же перепугалась: – Придурковатый, да? Отвечай, Люсинка! Хватит уж тебе жевать-то, дело серьезное. Может, надо свадьбу отменить, пока не поздно?

– Как будто Ляля послушает нас с тобой! Она же упертая, как сто тысяч чертей. Кстати, ты не в курсе, с чего это она вдруг бросила своего диджея Сашку и столь скоропостижно собралась замуж? Ты ж у нас ее лучшая подружка.

– Вспомнила! Когда это было? В том-то и беда, что ничего мне она нынче не рассказывает, – пожаловалась Нюша с таким печальным вздохом, что Люся поверила ей безоговорочно. – А может, Люсинк, не она Сашку бросила, а он ее?

– Конечно! То-то он названивает каждый день и выписывает восьмерки на мотоцикле у нас под окнами. Нет, наша красавица сама его отшила... Ладно, мам, пошли спать. Что-то я прямо с ног валюсь. Перебрала, наверное, свежего воздуха с непривычки.

С удовольствием растянувшись на Лялькиной тахте, где было гораздо удобнее, чем на узкой раскладушке в кухне, она грешным делом подумала: хорошо, что девчонка осталась ночевать у своего Ростика! По крайней мере, хоть завтра не придется вскакивать ни свет ни заря, чтобы освободить кухню для желающих позавтракать.

– Слышь, Люсинк, – раздался шепот из темноты. – А он сам-то как, жених наш? Случаем не цыган?

– Негр! – засмеялась Люся, отлично понимая, на кого намекает мать. – Успокойся. Типично русский белобрысый парень. Тощий, длинный. Не красавец, конечно, но и не урод. Безумно застенчивый и без памяти влюбленный в нашу красотку. Лет под тридцать, но это не мешает нашей юной ко-

мандирше им руководить. Работает в Академии наук, то ли философ, то ли социолог по образованию. Зарплата наверняка копеечная, зато, насколько я поняла, у них с мамашкой отдельная четырехкомнатная квартира в центре, на Чистых прудах. Кстати, и дача. Правда, полная развалюха, но участок в двадцать соток в таком престижном месте по нынешним временам стоит сумасшедших денег.

Судя по воцарившейся тишине, Нюша обдумывала услышанное.

– Навряд ли Лялечка на ихнее добро позарилась! – наконец сердито отчеканила она, обидевшись за внучку.

Исподтишка весь день внимательно наблюдавшая за женой и невестой, Люся думала иначе, но не осуждала дочь: может, по расчету да при некоторой симпатии и лучше, чем очертя голову по страстной любви?

Впоследствии ее предположение подтвердилось: кашинское добро стало для Ляли фундаментом того благосостояния, к которому она стремилась изо всех сил. Вырвавшись из бесперспективной ростокинской однушки, студентка театрального училища пустилась во все тяжкие: «морозила» по елкам в костюме Снегурочки, почти без всякого костюма снималась в рекламных роликах, подвизалась в масовке. Красивую черноокую Ляльку вскоре заметили, по достоинству оценили ее бешеную трудоспособность, необремененность принципами – ей лишь бы бабки платили вовремя – и, хотелось надеяться, не в последнюю очередь приняли во

внимание талант. Стали активно приглашать на эпизоды, на вторые, а потом и на первые, главные роли.

Пошли очень приличные гонорары. Все деньги артистка вбухивала в квартиру на Чистопрудном бульваре и в дачу, не заморачиваясь тем, что хозяйка всей этой престижной недвижимости вовсе не она, а Каширины, вернее Зинаида Аркадьевна. На корректные предостережения – мало ли что может случиться? – Ляля отмахивалась: «Мам, отстань, пожалуйста, со своими глупостями! Ты что, не видишь, я опаздываю на съемку! Никуда твои Каширины не денутся. От хорошей жизни еще никто не отказывался. Да их теперь за уши не оттащишь от моего банкомата!»

Стих ветер, солнце вышло из-за облаков, и вместе с ним вернулось хорошее настроение. Во всяком случае, ощущение надвигавшейся катастрофы исчезло. Посмеявшись над собой: подумаешь, выпил зять винца на станции со смазливой девчонкой, а теща уже делает далеко идущие выводы! – Люся соскочила с качелей и зашагала по узорным плитам дорожки, обсаженной пунцовыми розами, к полукруглому крыльцу полюбившейся и ей дачи, с таким трудом восстановленной в первозданном виде.

Проще было бы все снести и построить заново, однако Ляля с фырканием заявила, что не собирается строить кирпичный коттедж, как у всех этих новых русских. Ей, той еще выпендрежнице, конечно же, хотелось, чтобы у телевизионщи-

ков и киношников, заезжающих к ней по делам, сложилось устойчивое мнение, что она, Ольга Каширина, – девушка из художественно-интеллигентской среды.

Зинаида с Ростиславом, естественно, пришли в неописуемый восторг от Лялькиной идеи восстановить дачу в соответствии с архитектурным проектом Каширина-старшего. Но, как только от слов перешли к делу, Зинаида потеряла покой и сон. Хранительница старины плюс настоящий Плюшкин в юбке, она хваталась буквально за каждую гнилую доску, со скрежетом оторванную от пола, за каждый трухлявый резной столбик. Такой был цирк – будь здоров!

– Куда вы несете их? – со слезами в голосе вопрошала сватья, провожая безумным взглядом старые облупленные рамы, которые рабочие тащили к воротам, чтобы вывезти вместе с остальным хламом.

– Какой смешной тетка! – хохотали тубетейки. – На тебе рама, не плачь!

Отреставрированный «фамильный замок с привидениями» и начинкой из еврокомфорта, на радость Ляльке, вызывал всеобщую зависть и восхищение. Реакция ее гостей в немалой степени тешила и Люсино самолюбие. А как же? Ведь и она внесла свою лепту, причем немалую. Пока одна сватья лила слезы, вторая, назначенная командиршей-дочерью главным прорабом, и в дождь, и в холод моталась в Счастливый на электричке, чтобы контролировать строителей – малахольных гастарбайтеров и русских пьяниц, езди-

ла с рабочими по магазинам, по складам, выбирала вагонку, каминный кирпич, паркет, плитку, душевые кабины, ванны, унитазы, биде, линолеум и оплачивала счета.

А сколько травы, сныти, крапивы выдрали они с Ньюшей собственными руками, прежде чем перед «замком» зазеленел английский газон, запестрел роскошный цветник, а тенистая сосновая часть участка, по Лялькиной гениальной художественной задумке, заимствованной из западного журнала, превратилась в кусок девственного леса с ландышами, земляникой, немудреными голубыми и лиловыми цветочками.

По каширинской традиции семейство завтракало на восточной, залитой утренним солнцем террасе.

– Всеобщий привет! Приятного аппетита! – бодренько приветствовала всех Люся, заходя на террасу с чашкой кофе и усаживаясь в плетеное кресло поближе к кухне, чтобы подавать желающим такой же кофе с пенкой, горячие тосты и свежавыжатый апельсиновый сок.

– Мам, где ты пропала? – на секунду вскинув глаза, поинтересовалась артистка и снова погрузилась в деловой разговор, состоявший из междометий «да-да», «о да!» и «оф кос».

«Бай-бай!» – разговор окончился, и главнокомандующий обвел строгим взглядом подчиненных, тихо, как мышки, грызущих что кому бог послал.

– Значит, так. Сегодня в восемь вечера у нас фотосессия. Репортаж с празднования дня рождения Ольги Кашириной в тесном семейном кругу. Для журнала «Неделя со звездами».

Чашки, звякнув, опустились на блюда.

– Внучк, я чегой-то не поняла? – первой смело подала голос Ньюша. – У тебе ж деньрождение сямнадцатого...

Лакомившаяся икоркой Зинаида отложила нож и закудала масляным голосом подлизы, что отмечать день рождения заранее, конечно, не принято, но в то же время это условность, и раз Лялечке так хочется... Ростислав, вне всякого сомнения, растерялся. Стряхнув салфеткой с окладистой поповской бороды и с живота крошки ветчины, яиц и рыночного творога, коими усердно разговлялся по случаю окончания поста, он, красный то ли от смущения, то ли от вчерашних возлияний, для которых и пост не помеха, объявил, что вечером собирается на службу в храм, затем в гости к бабушке. На чашку чая. Люся затаила дыхание: интересно, что он услышит в ответ?

Ляля ответила всем сразу и тоном, не терпящим никаких возражений:

– Семнадцатого я буду на съемках в Ярославле. Поэтому празднуем сегодня, – открыв блокнот, она начала зачитывать: – В три приедет стилист, Женя Стук, вы его знаете. Приведет всех в порядок. В четыре привезут цветы, именинный торт, шампанское и прочее. К семи вы все должны быть готовы. Фотографируемся следующим образом. Зинаида Аркадьевна – в коричневом льняном платье, которое я привезла ей из Италии, за роялем. Не забудьте фамильные кольца и дутий золотой браслет. Бабуля, в синем платье с

белым воротничком, ставит на стол пирог. Мама, ты, как королева-мать, в длинной юбке и белой блузке из Парижа, разливаешь из самовара чай.

– Здравсьте, приехали! – насмешливо перебила ее Люся, чтобы слегка осадить чересчур развыступавшуюся девчонку. – Как хочешь, но самовар – неподходящий реквизит для королевы-матери. И если уж я в блузке из Парижа, то рядом должен быть импозантный мужчина во фраке. Предлагаю вызвать Кузьмича. Фото будет – зашибись! «Мама, Людмила Сергеевна, с другом Анатолием».

Живо представив себе Кузьмича во фраке с бабочкой, Лялька фыркнула от смеха, и дальнейшие ее распоряжения: бабуля с мамой ставят тесто, Ростислав – на пленэр, стричь газон, Зинаида Аркадьевна – к роялю, репетировать «Времена года» Чайковского – прозвучали уже повежливее и завершились чарующе-ласковой улыбкой, той самой, которую она здорово насобачилась изображать перед многомиллионной аудиторией телезрителей.

– Ладно, ребята, разбегаемся! Кому что неясно, обращайтесь.

Если кто-то и тяготился полученным заданием, то только не Нюша, обожавшая принимать гостей. Когда те наперебой хвалили ее необыкновенные пироги с капустой или с мясом, она чувствовала себя по-прежнему незаменимой: а правда, вот помрет бабка, и кто тогда будет Лялечке пироги печь? Конечно, Люсинка кой-чего умеет, но такого пышного теста

у ей никогда не получится.

– Мучицы, Люсинк, подсыпь малость, постного масла – подлей-ка... ой, много! Куды ты?.. Мучки дай еще, – на свой лад командовала Нюша, энергично мешая тесто морщинистой, узловатой рукой. И, как всегда в последнее время, быстро выдохлась. – Теперь ты мешай, а я сяду, посижу. Поясницу чегой-то разламывает. – Обессиленная, она опустилась на стул, однако зорко следила за каждым Люсиным движением. До тех пор, пока с западной террасы не раздались звуки рояля.

– Слышь, как барыня-то наша старается! Знать, зубы свои отрабатывает! – с ехидством зашептала Нюша, намекая на Зинаидины новые фарфоровые зубы, сделанные в одной из самых дорогих клиник, естественно, на Лялькины деньги.

В саду застрекотала газонокосилка, и Нюша переключилась на Ростислава:

– Вона, и барчук за дело взялся! Пусть подрастрясется, Бог труды любит! И что у их в академии за работа такая? Цельно лето мужик на даче прохлаждается... Чего молчишь-то, Люсинк, разве я не права? Лялечка совсем умялась, исхудала вся, одни ребрышки остались, а у ученого нашего пузо к бороде подбирается.

– Права, права, – согласилась Люся, особенно не вслушиваясь – репертуар известный – и думая о своем: надо бы полы внизу протереть, почистить раковину и унитаз в гостевом туалете, поменять полотенца, состричь отцветшие розы

вдоль дорожки.

Домесив тесто и закутав кастрюлю старым шерстяным платком, она поставила ее на горячий от солнца подоконник, чтобы подходило быстрее, и вдруг услышала за спиной жалобное всхлипывание.

– Мам, ты что? Что случилось?

– Ой, жалко мене Лялечку-то как! Ведь он уж до того обленился, что и спать с ей не спит... Не будет у нашей Лялечки деток, помяни мое слово...

– Тише, тише! – шикнула на нее Люся, закрыла дверь и под села рядом. – А ты откуда знаешь, что он... не спит?

– Бессонница, вот и знаю. Раньше, бывалыча, каждую ночь лестница скрипела, а нынче не скрипит. Он у себе наверху со своим треклятым интирнетом, а Лялечка у себе.

Что тут ответишь? Что Ляля сама не хочет спать с Ростиславом? Такой ответ страшно расстроил бы Нюшу, которая ждет не дождется правнуков, надеется, что еще успеет понынчиться с ними, и часто повторяет с мечтательным вздохом: «Парнишку бы нам! Девки-то уж больно надоели. И так уж, поди, в доме одно бабье». Поэтому Люся обняла мать за плечи и стала ласково тормошить и похлопывать.

– Мартышка к старости слаба глазами стала! Вернее, ушами. Скрипит лесенка, скрипит, авторитетно тебе заявляю! Не переживай. У твоей ненаглядной Лялечки, как известно, все по плану, а наше с тобой дело десятое. Скажут качать, будем качать! А сейчас, мам, давай капусту рубить на начинку.

Увлеченность – великая сила! Моментально подскочив: «Ой, батюшки, уж полвторого!» – Нюша взялась за дело. Тук-тук-тук-тук... – застучал по доске длинный нож. Хитренько подмигнув, она по-деревенски озорно затанула: «Где-то поезд катится точками огня, где-то под рябинушкой...» – стараясь перекрыть Зинаидины музыкальные экзерсисы.

– ...Парни ждут меня! – подхватила Люся и, прикинув, что более подходящей минуты сегодня может и не представиться – скоро начнется суeta и продолжится до ночи, сказала, как будто между прочим, продолжая кромсать капусту: – Мам, подкинь мне тысчонок пять, а? Во вторник получу зарплату и отдам.

Еще говорят, что молодежь помешана на деньгах. На деньгах помешаны старые, которые ни за что не хотят расставаться с хрусткими бумажками, припрятанными в комодe: в самом деле, как можно лишиться себя радости пересчитывать их каждый вечер и, перевязав резинкой, снова прятать под белье? И не важно, собственные это денежки, пенсионные, или выданные внучкой на хозяйство.

Как и следовало ожидать, песня про рябинушку кудрявую оборвалась, а Нюша сморщилась, будто от кислого.

– А зачем тебе деньги-то? Мы ж здесь на всем готовом. Как у Христа за пазухой.

– Завтра собираюсь в город. Надо проверить, цела ли наша с тобой квартира, и обязательно заплатить за телефон.

Отключат, дороже обойдется. – Люся отлично знала, на какие клавиши следует нажимать. – Кроме того, мне нужно отвезти Нонке деньги за работу. Она делает Ростиславу генеалогическое древо.

Мать застыла с ножом в руке и так густо покраснела, что Люся не выдержала и расхохоталась.

– Ну ты и дуручка! – рассердилась Нюша и, надутая, еще долго отворачивалась, не желая слушать, что именно делает Нонка для Ростислава. Когда же до нее дошло, она снова вспыхнула, смущенная своим неприличным предположением, прыснула в пригоршню и замотала головой: – Ну я и дуручка!

Две шустрые разбитные девицы и простецкого вида длинноволосый парень с весьма подходящим именем Герасим, который таскал аппаратуру и устанавливал свет, уехали в полночь. Люся убрала в холодильник даже не ополовиненный именинный торт – все девушки нынче худеют, – сложила в пакет с мусором три бутылки из-под шампанского, опустошенные преимущественно Ростиславом Владимировичем, что, к счастью, ускользнуло от внимания представителей желтой прессы, и включила посудомоечную машину.

Под Лялиной дверью виднелась тонкая полоска света. Вероятно, артистка читала присланный ей вчера сценарий или учила роль для съемок в Ярославле. Из-за двери на втором этаже раздавался мощный храп зятя.

За балконной дверью в собственной комнате была нежная летняя ночь. Внизу, на кузьмичевских угодьях, не светилось ни одного огонька. Скопытился дедок. Упахался. Впрочем, чтобы упахаться в дым, не обязательно весь день возить навоз. Достаточно, к примеру, четыре часа подряд улыбаться, держать спину, изображая королеву-мать, и, что давалось особенно тяжело, помалкивать. Шлепать губами позволили лишь Зинаиде, да и то исключительно для пересказа каширинской саги. К великому огорчению сказительницы, сегодня ее сольный номер успеха не имел: пресная история про дачу и ее доисторических обитателей – жареным там, понятное дело, и не пахло – быстро наскучила пронырливым корреспонденткам. Не дослушав и половины, они переключились на Нюшу, решив, что у недалекой деревенской бабушки им уж точно удастся выудить какую-нибудь пикантную информацию. Не тут-то было. Прикинувшись глухой, Нюша по десять раз переспрашивала: «Ась?» – и кивала: ага!.. ага!.. – будто китайский болванчик, а как только ее вместе с пирогом сфотографировали с разных ракурсов, сразу же удрала к себе и заперлась на ключ.

Прочие статисты тоже не подвели. Спектакль домашнего театра с незаметным для зрителей нервом к финалу, когда зятек «сухое горло» чересчур увлекся шампанским, в очередной раз удался на славу. А исполнительница главной роли, та просто превзошла себя: какие великосветские манеры! Какие трогательные отношения с мужем! Какое обожание по

отношению к маме, бабушке и свекрови!

Меж занавесок в черном бархатном небе серебрился тонкий серпик луны. Стоящий на рожке, он был приметой по-прежнему солнечной погоды и, стало быть, гарантировал возможность выглядеть завтра наилучшим образом — полетному нарядно и раскрепощенно. Забравшись под легкое пуховое одеяло, Люся постаралась выбросить из головы прозу жизни и наконец-то переключиться на себя любимую: стала прикидывать, во что бы такое нарядиться, чтобы быть неотразимой. Повторяться вроде не хотелось, но в то же время не следовало слишком демонстрировать свою так называемую зажиточность. Ни перед Нонкой, ни перед *ним*. *Он* и так сказал: «Вы похожи на жену олигарха».

– Вы похожи на жену олигарха, – ответил он, после того как заявил, что обратил на нее внимание еще на станции и очень удивился: такая женщина, и ездит на электричке! Люся буркнула, не поднимая головы от книжки:

– Какая такая?

Она уже собралась пересесть на другую скамейку, благо пустых в вагоне хватало, но, взглянув на приставучего мужика, увидела совсем не того, кого ожидала увидеть. Перед ней, улыбаясь, сидел не потрепанный, поддатый ловелас из тех, что клеятся к бабам в электричке, а тот самый длинноногий интересный мужчина, которого она заприметила еще на платформе. Кстати, там, на платформе, она тоже подума-

ла: и что это такой приличный мужичок таскается с дачи в Москву на электричке?

Совпадение показалось многообещающим – за болтовней с себе подобным можно было неплохо скоротать время и минут на тридцать-сорок забыть о генеральном: не успеешь войти, этот шизик опять начнет брызгать слюной и топтать копытами.

– Лично я люблю экстрим, а вы? – с кокетливым вызовом сказала Люся и не ошиблась в расчетах: симпатичный модно-бородатенький незнакомец лет под пятьдесят, плюс-минус два года, рассмеялся, а затем пояснил:

– У меня все проще. Жаль тратить на пробки прекрасное летнее утро.

Ого, он еще и романтик! Редкий случай! – снова приятно удивилась она.

– Меня зовут Константин, а вас? Если, конечно, это не великая тайна.

– Великая, но не очень. Людмила Сергеевна.

– Сергеевна? Вы учительница?

– Почему учительница?

– Ну если молодая красивая женщина отвечает так, как ответили вы, то, скорее всего, она учительница... либо большой руководитель.

На ловко завуалированный вопрос о профессии Люся предпочла промолчать – много будет знать, скоро состарится! – и сделала вид, что любит веселеньким солнечным

пейзажем: за окном мелькала не характерная для здешних мест, с их сосняком и ельником, радующая глаз светлая березовая роща.

– А как вас называет ваш олигарх? Милочка? Людочка?

– Люсенька, – шутиливо, в тон ему, отозвалась она, но, спохватившись, что ведет себя чересчур уж фривольно, строго взглянула на своего визави – ни дать ни взять самая настоящая училка. – В том смысле что друзья и знакомые зовут меня Люсей, а не Людой или Милой.

Под строгим, пронизывающим взглядом попутчик стушевался. Потом попросил разрешения взглянуть на книжку, лежавшую поверх сумки у нее на коленях, пробежал глазами аннотацию на обложке, еле слышно хмыкнул, с сомнением поведя бровями, и уже безо всякого интереса, из чистой вежливости перелистал несколько страниц. Протянул без комментариев, и вдруг его словно осенило:

– А-а-а, так вы, вероятно, главный редактор этого издательства? Иначе этот бестселлер с вами никак не корреспондируется.

Одно дело – поддерживать версию о жене олигарха, тут особо много ума не надо: шурши себе великоватой Лялке юбкой ценой в энное количество евро, закидывая ногу на ногу в ее же почти не ношенных классных босоножках, щелкай замком на шикарной сумке фирмы «Фурла» – и порядок. Но выдавать себя за главного редактора Люся была как-то не готова. Да и, собственно, зачем?

– Нет, я корректор.

– Правда? – искренне изумился он.

Его изумление, так не похожее на обычную кисло-пренебрежительную реакцию, она расценила как безусловный комплимент. А как же! Проговорив с ней каких-нибудь десять-пятнадцать минут, вполне интеллигентный – по крайней мере на вид – и уж точно неглупый мужчина посчитал, что она способна на большее, чем исправлять грамматические ошибки и расставлять запятые. Интересно, как бы он отреагировал, если б узнал, что по совместительству «олигархиня» служит еще и полумойкой у господ Кашириных и не за горами тот день – нет, лучше застрелиться! – когда перейдет к ним на полную ставку? На этом категорически настаивает Лялька, опять вопившая сегодня утром:

– Дома бардак, дел полно, а ты прешься на свою идиотскую работу за три копейки! Завязывай давай! Кому это надо!

– Мне надо! – прошипела Люся и хлопнула дверью. Разве известной артистке с ее мерилom всего и всех «хау мач?» объяснишь, что есть еще и такое понятие, как любимая работа, где тебя уважают и ценят? Конечно, и в издательстве тоже иногда норовят опустить ниже плинтуса, но, как правило, лишь в случае ЧП вроде последнего...

При одной лишь мысли о предстоящем разборе полетов настроение сделалось наифиговейшим, и это не ускользнуло от внимания чуткого попутчика.

– У вас неприятности? На работе? Впрочем, что я говорю? Такого не может быть. Насколько я понимаю, вы трудитесь вовсе не из-за денег, а потому, что жить не можете без любимого дела. То есть вы очень ценный сотрудник, начальство носит вас на руках и сдувает с вас пылинки. Поэтому вариант с работой отпадает... Неужели поссорились с олигархом? – И он в шутливом испуге округлил глаза: мол, вот это трагедия так трагедия!

– Нет, с олигархом все в порядке, – усмехнулась Люся, чуть подалась вперед и понизила голос: – Хотите, открою секрет? Знаете, что самое ценное в корректорской работе? Чувство глубокого удовлетворения, которое наполняет душу, когда находишь ошибки за автором, редактором, а иногда и за главным редактором, если он соизволит просмотреть рукопись. В такие мгновения я кажусь себе умнее их всех, вместе взятых. Но, увы, и на старуху бывает проруха. Короче, в книжке, которую вы оценили совершенно верно, я пропустила опечатку, искажающую, как выразился автор, смысл всего произведения. Более того, слово из-за опечатки получилось весьма нелитературным, и теперь надо мной потешается все издательство. Вот еду на ковер, объясняться с начальством.

– Должен вас огорчить, мы приехали. Вы на метро? И я на метро. Пойдемте. Жаль, что не смогу сопровождать вас на ковер и защитить от начальственного гнева. Как раз сегодня я очень спешу на работу. Но в следующий раз – обязательно,

обещаю.

– Нет уж, спасибо. В следующий раз буду читать внимательнее.

– То есть вы отказываетесь от моей защиты?

– Защита предполагает опасность, а я хочу исключительно покоя.

– В вашем юном возрасте рано думать о покое.

– По-моему, вы меня с кем-то путаете!

Так, перекидываясь шутивными репликами, они спустились в метро, с его неистовой толпой и шумом, где уже едва слышали друг друга, втиснулись в битком набитый вагон – и замерли, оказавшись так близко, как бывают только любовники.

«Э-ге-ге, а ведь это мой мужчина!» – скорее почувствовала, чем подумала Люся, моментально ошалев от его жаркой близости, и с большим трудом подавила сумасшедшее желание прижаться к нему еще крепче. Когда же шепотом, почти касаясь губами ее волос и уха, он назначил ей свидание в воскресенье в шесть часов по старинке у памятника Тимирязеву, она ответила с невольным придыханием:

– Хорошо... постараюсь не опаздывать.

Из метро на улицу – ну полная идиотка! – она выползла на ватных ногах и с плывущей, как после крепкой поддачи, головой. Не доходя до стеклянного здания бывшего НИИ, где третий этаж занимало издательство, а остальные – офисы непонятного назначения, села, вернее, упала на скамейку

в жалком сквере из трех дохлых кустов и пыльных деревьев и выдохнула: уф-ф-ф! Ну и дела! Проветрилась на горячих выхлопных газах громающих машин, груженных панельными блоками, и наконец-то ощутила всю степень своего падения: подумать только, четыре остановки она, старая дура, фактически обнималась и чуть ли не целовалась с первым попавшимся мужиком!

«Не-не, он не первый попавшийся, а очень даже ничего гражданин», – подмигнула себе Люся. Подкрашенный глаз в зеркальце сверкнул в ответ все еще нездоровым блеском, а время уже поджимало. Слегка подновив макияж, она закинула «фурлу» на плечо и направилась в издательство походкой знающей себе цену женщины. Сегодня походка получилась особенно легкой и независимой.

В корректорской, сдвинув два стола, Алина, Райка, Элеонора Петровна и Катюшка пили чай с тортом, сплетничали и хохотали. Редкий летний день обходился без какого-нибудь торжества: то именины, то крестины, то начало отпуска, то его конец.

– Привет. По какому поводу гуляем?

– Ой, Людмила Сергеевна, присоединяйтесь! – радостно подскочив, уступила свое место Катюшка. – Я, Людмила Сергеевна, иду на повышение! Редактором в большое издательство!

– Правда? Молодец, Катерина. Но ты нас не бросай, ладно? Заходи. Без жизнерадостной молодежи мы, старушки,

совсем зачахнем от тоски.

– Какая же вы старушка, Людмила Сергеевна? Вы у нас в издательстве самая красивая! Самая стильная! Честное слово.

– Спасибо, дорогая, – улыбнулась своей восторженной поклоннице Люся, присела на краешек стула и, склонившись к заведующей, шепнула: – Меня еще не вызывали?

– Пока молчат, – так же шепотом отозвалась Алина и потянулась к торту. – Тебе положить? Или опять худеешь?

– И худею, и настроение не то... Извини, Катюш. Может быть, после.

Элеонора Петровна, бабушка трех внуков, которая вырывается на работу раз в неделю, а вырвавшись, весь день корпит над недочитанной дома корректурой и поэтому всегда «не в курсе», обвела притихшую компанию пристальным взглядом поверх очков с сильнейшими диоптриями – уделом всех, кто честно проработает корректором лет сорок, – и снова повернулась к Алине:

– Случилось что-нибудь? Что вы там с Люсенькой шепчетесь? Алин, расскажите, я же не в курсе.

– Чего вы к Алине Владимировне пристаёте? Пусть Люся сама и расскажет! – встряла хриплым прокуренным баском Раиса, порядочная, между прочим, зараза, единственная из присутствующих, с кем при всем желании невозможно было наладить контакт. Разговаривала эта стервозина подчеркнуто хамски, очевидно, таким образом самоутвержда-

ясь, а за глаза, как доложили люди добрые, не уставала нести «Люську» по кочкам за «шикарные шмотки, холеную рожу и аристократские замашки». Других аргументов вроде не было.

После настойчивых просьб хором Люся все-таки сдалась.

– Ваша взяла. В общем, Элеонора Петровна, я пропустила опечатку, одну-единственную, но роковую для сюжета. Сюжет такой: некий Влад Громкин, бизнесмен... Кстати, я так и не поняла, где он кует бабки. Сферу его деятельности автор оставил за скобками, сосредоточившись на хобби – изобразительном искусстве и, соответственно, на посещении мировых сокровищниц. Тут вам и Эрмитаж, и Лувр, и Прадо, и Третьяковка. Описание картин великих мастеров занимает треть текста. Однако господин Громкин запросто может перепутать Флавицкого, извиняюсь, с Суриковым. Читаю и думаю: или я сошла с ума, или... Сколько времени у меня ушло на проверку, ужас! Алина знает...

– А я тебе говорила: нечего потакать бездельникам. Пусть бы и Карпенко немножко поднапрягся. В конце концов, проверка – обязанность редактора.

– Бог с ним, с Карпенко, он еще молодой и неопытный. Честно говоря, мне и самой хотелось кое-что освежить в памяти. Просто обидно, понимаешь? Проверила весь фактический материал, можно сказать, неделю засыпала в обнимку с энциклопедией, а прокололась на какой-то несчастной опечатке.

– Тебе чего, уже засыпать больше не с кем?! – заржала Райка, но Люся, что называется, «сделала глухое ухо» – ничего обиднее, чем ее безразличие, для Райки быть не могло – и, чтобы достать темную Раису Рыбину окончательно, продолжила с еще большим словесным выпендрежем:

– Помимо музеев эстет-бизнесмен мечется между двумя барышнями. Первая, жена, – хрестоматийная стерва с Рублевки. Вторая – особа высокодуховная, экскурсовод в Эрмитаже, а кроме того, первая любовь Влада. У нее от Громкина сын-подросток, но это секрет Полишинеля. После бесконечных сомнений, метаний и страстных свиданий под полотнами Веласкеса и Караваджо он все-таки решает вернуться в лоно семьи. Несется на джипе по ледяной дороге к себе на Рублевку. На повороте джип заносит и разворачивает в обратную сторону...

– Как интересно! – хихикнула Элеонора Петровна.

– Очень. После разворота, такого перста судьбы, следует финальная фраза: «На вокзале Влад быстро взял билет и сел в питерский поезд». А в слове «питерский» вместо «т» «д».

Отреагировать никто не успел – в дверь влетела секретарша Марина:

– Артемьева, к генеральному, срочно!..

Взмокший от трудов и горячего июльского солнца, беспощадно лупившего в огромное нишнее окно, генералиссимус нависал над столом, как скала над пропастью, и водил глазами по бумагам – их в его кабинете было не меньше, чем

в пункте приема макулатуры.

– Здравствуйте, Руслан Евгеньевич.

Предгрозовое молчание. Страшно, аж жуть.

– Вы велели зайти.

– Вы кто? – рывкнул он, все так же не отрываясь от рукописи. Можно подумать, не помнил, кого вызывал к себе, причем срочно. Однако правила игры требовали от проклявшегося подчиненного глаза долу и тихого ответа:

– Артемьева, из корректорской.

– Ага, явилась! – И началось, стандартным блоком: – Продажи падают! Платежи не идут! Бумага дорожает! Художники обнаглели! Кругом одни саботажники! Никого не найдешь – все загорают! Бездельники, бездари, диверсанты!

До изощренно-унизительной конкретики, когда внутри все кричит: «Да пошел ты!» – дело нынче не дошло: на столе зазвонил телефон. К нему, как по команде свыше, добавились из-под бумаг призывные сигналы мобильного.

– Идите, идите отсюда! – затряс растопыренными лапшами, будто отбивая шквал волейбольных подач, задыхающийся от гнева Руслан и в изнеможении откинулся в кресле. – Сил моих больше нет, как вы все мне надоели! Да, слушаю... Алло!

В общем, отделалась легким испугом. Выбросила неприятности из башки и, вспомнив о своем симпатичном попутчике и предстоящем в воскресенье свидании, с глупой блуждающей улыбкой на устах подалась обратно в коррек-

торскую.

От этой дурацкой улыбки она никак не могла избавиться и сейчас, лежа под уютной невесомой перинкой и обдумывая, во что бы такое ей нарядиться завтра.

Глава вторая

Крашенная суриком дверь в квартиру на четвертом этаже была приоткрыта. По сумрачной даже в солнечное утро прихожей гулял сквозняк из кухонного окна, выходявшего во двор – такой же пустынный сегодня, как и весь воскресный раскаленный летний город.

– Эй, Нонн, ты дома? Нонка, ты где?!

Грохнул водопад в туалете, и оттуда появилась Заболоцкая, на ходу застегивая брюки.

– Приветик.

– Честное слово, с тобой инфаркт можно заработать! Почему у тебя дверь нараспашку?

– Не хватало еще, чтобы ты на лестнице толклась, пока я там заседаю. А вдруг заседание бы сильно затянулось? – захохотала Нонка, заправляя безразмерную майку в едва сходящиеся на пузе штаны. – Не дергайся, вора у меня брать абсолютно не фига, а для сексуальных маньяков я уже не представляю интереса.

Да уж... Каждый раз после долгого перерыва Люся в смятении отводила глаза, боясь выдать свое впечатление от кошмарного внешнего вида совершенно наплевавшей на себя Заболоцкой – еще больше потолстевшей, мятой, нечесаной, пего-седой.

– Ох, и шикарная ты женщина, Люська! – Отступив на

шаг, лишенная такого мерзкого качества, как примитивная бабская зависть, Нонка смерила ее восторженным взглядом и присвистнула: – Фью-ю-ю! Откуда такой зашибенный прикид? Опять Лялька привезла из-за бугра? Повезло тебе с дочерью!

Из личной ненависти к организации под названием «телевидение», откуда ее так несправедливо выперли, Заболоцкая никогда не смотрела ящик, и это делало общение с ней гораздо более легким и приятным, чем могло бы быть. Иначе она не отказала бы себе в удовольствии пройтись насчет говенных мыльных опер и Лялькиного в них участия.

– Да, крупно. Особенно по части обуви, – отозвалась Люся, переобуваясь из босоножек в видавшие виды хозяйские шлепанцы. – Ляля помешана на хорошей обуви. Наденет раз-другой и тащит мне. Уже шкаф не закрывается. – Спohватившись, не чересчур ли расхвасталась, она поспешила протянуть Нонке пакет с только что вышедшим из типографии чтивом и полезла в кошелек. – Вот, возьми. Две тысячи от Ляли за работу и две от меня. Хотела купить что-нибудь вкусное, но в «Седьмой континент» на Смоленке не сообразила зайти, а у вас тут не осталось ни одного нормального магазина.

Между ними давно не было никаких церемоний: когда-то Люся подкармливалась в добром доме Заболоцких, теперь настала ее очередь хоть чем-то помочь одинокой подруге.

– Большое мерси, – привычно кивнула Нонка, еле упиха-

ла деньги в карман тесных брюк и направилась напрямиком к двери. – Пойду колбаски куплю. Документы на кухне на столе. Посмотри пока, я быстро!

Стремительно обновляющаяся жизнь обошла стороной это жилище. Три маленькие комнаты, несоразмерно большие прихожая, коридор и ванная, крошечная кухня с когда-то салатovým, а теперь грязно-желтым польским гарнитуром за последние двадцать лет совсем обветшали. Впрочем, Люся не помнила, чтобы здесь и раньше когда-нибудь делался основательный ремонт. В шестидесятые Нонкины родители – технари с кандидатской степенью, энергичные, современные молодые люди – вышвырнули на помойку дореволюционную рухлядь красного дерева, обставили квартиру предков модной низкой мебелью, развесили репродукции с картин Пикассо, заменили статуэтки на керамику и на этом навсегда закрыли для себя тему обустройства быта. Ибо, считали они, на свете существуют занятия гораздо более увлекательные, чем побелка потолков, многочасовое стояние в очередях за импортными обоями или еженочная переключка возле мебельного. Их мысли занимала любимая научная работа, а часы досуга посвящались вечерам поэзии в Политехническом, Театру на Таганке, «Новому миру», «Науке и жизни», «Юности», книжным новинкам, музыке. Погруженные в эту интеллигентскую круговерть, оптимисты и по сути, и по духу времени, они не задумывались о черном дне, и в результате Нонке достались лишь ДСП с острыми угла-

ми, библиотека из советских изданий и синие чемоданчики с пластинками Баха, Моцарта, Вертинского и Клавдии Шульженко. Чудом сохранившиеся в доме прабабушкины колечки и старинную брошку с сапфиром она быстренько проела и теперь балансировала на грани прожиточного минимума и полной нищеты.

Правда, сами того не подозревая, Заболоцкие-старшие оставили дочери очень даже приличное наследство в виде квартиры, причем не где-нибудь, а в районе Арбата, за который нувориши из глубинки нынче готовы выложить любые бабки. Казалось бы, чего Нонке мучиться, считать копейки? Загнала бы свои арбатские руины, купила хорошую однокомнатную с большой кухней в зеленом районе, у метро, а на сдачу жила бы себе припеваючи. Однако то, что для других элементарно, для сложносочиненной Заболоцкой – вселенская катастрофа. «Не хочу! Не могу! Не буду!» – как безумная завопила она, когда Люся в ответ на ее очередное, с кулаком по столу возмущение ростом тарифов на ЖКХ выдвинула вариант с продажей квартиры. Больше этот вопрос Люся не поднимала, тем более что и сама, наверное, обрыдалась бы, помогая Нонке складывать вещи перед отъездом. Потому что, несмотря на пыль, грязь и неустройство, любила эту квартиру не меньше хозяйки: за детство, за память, за пластинки и книжки. Тщательно обернутые в плотную чертежную бумагу книги из библиотеки Заболоцких были главной радостью ее пионерского детства.

Прибежав из школы домой, в тесную, вросшую в землю избушку, где обитали три сугубо пролетарские семьи, она подхватывала под мягкий пушистый живот соседского кота Ваську, забиралась вместе с ним на высокую железную кровать, подкладывала под локоть подушку в ситцевой наволочке и читала, читала, читала. За окошком, сплошь покрытым розовым от заката инеем, начинало темнеть. Не слезая с кровати, Люся щелкала выключателем, забирала из тарелки последний пряник и возвращалась в асьенду Каса-дель-Корво на званый обед к Пойндекстерам, или в выжженные солнцем прерии к храбрым индейцам, или в сырое подземелье на острове Иф.

Мамин приход с работы всегда был неожиданным. Тяжелая дверь, обитая серой мешковиной, распахивалась, и рыжий мурлыка Васька, обезумев от страха, начинал метаться по шестиметровой комнатушке. Получив пинок мокрым валенком, он улетал в коридор, а Нюша, стаскивая платок и телогрейку, бранилась:

– Люсинк, скоко раз тебе говорить? Нельзя животную на постелю пущать! От их одни микробы. В колидоре пущай спит, сюды его не води.

– В коридоре холодно, лед по углам. Жалко котика.

– Шерстяной, чай, не замерзнет.

Теперь уже не считаешь! Первым делом мама включала радио – трехпрограммный пластмассовый приемник, висев-

ший на гвозде возле двери. Под его бормотание (если только не передают концерт по заявкам, тогда – под звонкие народные песни) она переодевалась в бурый байковый халат и, повязав фартук и косынку, принималась греметь посудой. Доставала из фанерного стола, служившего и обеденным, и письменным, а еще буфетом, глубокие тарелки, алюминиевые ложки, кружки, черный хлеб, повидло, печенье и неслась на кухню разогревать кастрюлю промерзших в ледяном чулане щей, сваренных на всю неделю.

На кухне Нюша принималась обсуждать с соседкой последние новости.

– У нас в депо сказывали, вроде обратно в космос запустили. Говорят, сразу четыре мужчины. Не слышали, Марь Ляксева?

– Нет, не слыхала. Мне Миша радио включать не дает. Оно ему думать мешает. Он у меня все за учебниками сидит. – Толстая Марья Алексеевна никогда не упускала случая похвастаться тем, что муж у нее учится в военной академии. – Завтра моему Мише диалектический материализм сдавать. Я в книгу-то глянула – ничегошеньки не поняла! Ой, трудно, Нюшенька, трудно!

Нюша поддакивала, и все было тихо и мирно. Но если рядом кипятила белье Шурка Воскобойникова, на кухне начинался ор. Майорской жене доставалось крепко: чтобы Маруська шибко не задавалась:

– «Материализм»! – передразнивала ее похожая на Ко-

щя незамужняя Шурка. – А не хотите у нас в столовке котлы поворочать? Сидит на жопе целый день, трудно ему!

От такого невиданного нахальства Марья Алексеевна теряла дар речи, и за нее вступалась Нюша:

– Не права ты, Шура. Сама-то, чай, неграмотная, вот тебе и не понять, как учиться-то трудно. Особливо в годах. Это вон Люсинка моя раз-два – урочки сделала, на завтра одни пятерки получила. Потому как головка молодая. А у Михал Василича уж мозг обстарел...

– А мозг обстарел, так ехай обратно в колхоз свиней пасти! – с сарказмом перебивала ее Шурка, очень артистично указывая направление деревянной палкой, которой только что упихивала в бачок выкипающее белье. – Без академиков обойдемся!

Сердечнице тете Марусе не хватало воздуха, чтобы достойно ответить Шурке.

– Сама и ехай... жигучка... – бессильно плакала она, а бывало, что и замахивалась на обидчицу половником. – Лярва ты столовская!

– Я те покажу лярву! Ты у меня кровью умоешься!

– Как дам по поганой роже!

– Сама ты рожа! Гляньте, какую хлебoreзку нажрала! Учти, Маруська, завтра я кота твоего придушу и микояновских котлет из него понаделаю. Лопнуло мое терпенье!

– Ах ты сволочь! Живодерка, психичка!

– Марь Ляксевна! Шура! Нехорошо так-то! – разнимала

их Ньюша, пытаясь загородить необъятную тетю Марусю маленьким коренастым телом: – Нехорошо, Шур!

И тогда весь Шуркин язвительный гнев обрушивался на нее:

– Посмотрите-ка на нее, какая она у нас хорошая! Что ж ты, такая хорошая, незаконную-то прижила? Или, скажешь, ты свою Люську в капусте нашла?

Злобная Шурка била всех по самому больному месту, но Ньюша, в отличие от Марьи Алексеевны, никогда не обижалась и не плакала – она смеялась:

– И то правда, нашла! На лужку нашла, на зеленой травке, меж цветиков-семицветиков. А где еще сыщешь такую умницу да красавицу, как моя Люсинка? Пойди-ка поищи!

Не такая уж Ньюша была непротивленка, как могло показаться. Она прекрасно знала, что этим своим веселым ответом тоже больно ранит «страшную, как смертный грех, перестарку Воскобойникову», не имевшую ни малейшего шанса обзавестись даже незаконным ребенком.

После перебранки Ньюша бывала особенно ласкова, подзревая, что дочка все слышала. Люся и в самом деле иногда подслушивала: уж очень смешно ругались в клубах пара из кастрюль тетя Маруся с Шуркой. Но если речь заходила о ней, незаконной, Люсе становилось так же трудно дышать, как тете Марусе, и из глаз текли слезы. Однако никто ее слез не видел и никто не мог посмеяться над ними. Когда Ньюша с кастрюлей раскаленных щей осторожно переступала через

высокий порог их каморки, Люся уже опять сидела на кровати и читала книжку.

– Люсиночка, давай кушать. Ты урочки сделала, доча?

– Я их еще в школе сделала. У нас сегодня была контрольная по алгебре. Легкота такая! Я первая решила, а пока остальные пыхтели, приготовила домашнее задание по русскому и по геометрии.

– Ненаглядная ты моя синеглазочка! Умница-разумница! – с жарким чмоканьем в обе щеки хвалила мама, но потом обязательно строго добавляла: – Вот покушаем, я проверю, чего ты там приготовила.

Что Нюша могла проверить? В сущности, она была почти что неграмотной: до войны успела окончить четвертый класс деревенской школы в Тульской области, и все. Но, несмотря на то что не без труда расписывалась в Люсином дневнике, выводя по-детски крупными буквами: *А. Г. Артемьева*, считала своим долгом каждый вечер, даже если валилась с ног от усталости, проверять у дочери уроки.

– Ох, щи хороши! – то и дело повторяла она, с присвистом втягивая в себя горячее жирное пойло, в то время как Люся, сморщив нос, вылавливала ложкой желтые кусочки сала и складывала их на краю тарелки рядом с надписью синим по серо-белому «Мособщепит». Такими тарелками, десять штук на рубль, снабжала всех желающих Шурка Воскобойникова.

– Не хошь – не ешь! – сердилась мама, но недолго. – Лад-

но, доча, не кушай, Васька дожрет. Будем с тобой чай пить.

Вот это совсем другое дело! Чай с песком, четыре ложки на кружку, и с повидлом, намазанным на печенье, Люся очень любила. Выпивала по две, по три кружки, так что внутри делалось жарко и начинали слипаться глаза.

Спать ложились рано – в девять часов, потому что Нюша поднималась в пять утра, чтобы успеть принести дров из сарая, два ведра воды из обледеневшей колонки со скользким катком вокруг и протопить остывшую за ночь беленую печку-голландку. Мать засыпала мгновенно, и ее тяжелый храп прямо в ухо страшно раздражал и мучил Люсю. Брезгливо высвободившись из-под обнимавшей ее материнской руки, она переворачивалась на правый бок, лицом к стене, и старалась отвлечься мыслями о чем-нибудь прекрасном. Например, как в ближайшую субботу отправится в гости с ночевкой к Заболоцким. Сядет на автобус до ВДНХ, после – в метро до «Проспекта Мира». Там первая пересадка. Вторая – на «Киевской». Через остановку выйдет на «Смоленской». Приедет, наверное, прямо к обеду. У Заболоцких обедают поздно, ближе к вечеру. В субботу с утра Елена Осиповна ходит в бассейн и на занятия икебаной, а Юрий Борисович, с большим портфелем, – по книжным магазинам, в «Диету» и в кулинарию ресторана «Прага». На обед будут бульон с готовыми пирожками, жареные антрекоты и персиковый компот из железной банки. Такой вкусный! Пальчики оближешь! А может быть, Юрий Борисович купит девочкам еще

и мороженое.

Она обязательно поблагодарит за каждое кушанье и не «спасибочки!» скажет, как Нюша, а «большое спасибо», как говорит Елена Осиповна. После обеда взрослые разойдутся по комнатам читать газеты и журналы, а они с Нонночкой быстро уберут со стола, помоют посуду – не в жирном тазике, а горячей водой из-под крана – и побегут в детскую. Здорово, когда у человека есть своя комната! Пусть даже самая маленькая. Хотя не такая уж и маленькая, если посчитать, сколько всего в ней помещается. Письменный столик у окна, тахта, пианино, полки с книжками и всякими настольными играми, шкафчик для платьев и даже станок – толстая круглая палка, прикрепленная к стене: держась за нее, Нонна повторяет балетные па, которым ее учат в хореографическом кружке Дома пионеров.

С Нонной Заболоцкой Люсе всегда очень-очень интересно. Плотно закрыв дверь, они шушукаются, обсуждая школьную жизнь, книжки, фильмы. Нонна по секрету рассказывает, что на днях ходила в кино с мальчиком из 8 «Б». Видимо, он в нее влюбился. Влюбился? Ну так что ж? Ничего особенного. Как в нее не влюбиться? Длинноногая худенькая девочка с огромными черными глазами и модной короткой стрижкой кажется Люсе воплощением изящества и красоты. Люсе тоже хочется постричься, но мама ни за что не разрешит ей отрезать эти противные, толстые, белобрысые косы, которые надо еще и заплетать каждое утро по де-

сять минут, вместо того чтобы поспать подольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.